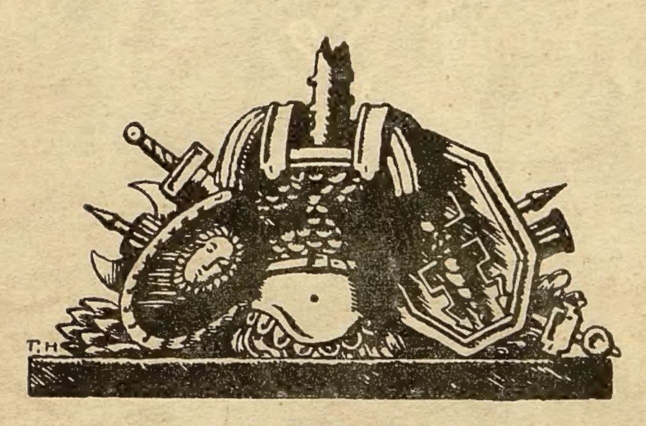
ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

ВОЙНА

СТИХИ

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
„ОТЕЧЕСТВО"

1915

«ОТЕЧЕСТВО»
ПТР., Б. Болотная, 10.

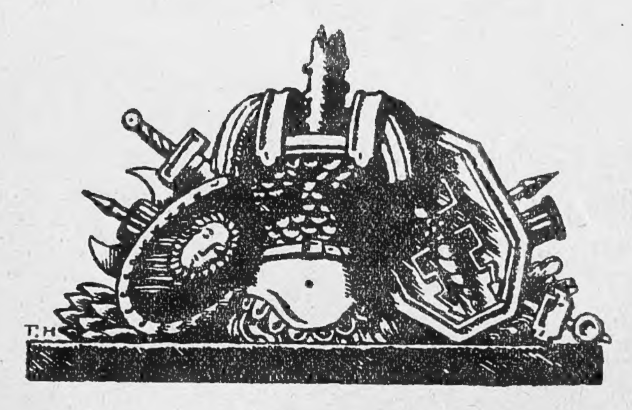
Типо-Литографія «Якорь», Петроградъ, Б. Болотная, 10.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

ВОЙНА

СТИХИ

ИЗДАНІЕ ЖУРНАЛА
„ОТЕЧЕСТВО"

1915

ГИМНЪ.

Да здравствуетъ Россія,
Великая страна!
Да здравствуетъ Россія!
Да славится она!

Племенъ освободитель,
Державный русскій мечъ,
Сверкай, могучій мститель,
Въ пожарѣ грозныхъ сѣчъ.

Да здравствуетъ Россія,
Великая страна!
Да славится Россія!
Да процвѣтетъ она!

Не въ силѣ Богъ, не въ силѣ,
А только въ правдѣ Онъ.
Мы правдой освятили
Свободу и законъ.

Да славится Россія,
Великая страна!
Да здравствуетъ Россія!
Да славится она!

НА НАЧИНАЮЩАГО БОГЪ.

На начинающаго Богъ!
Вѣщанью мудрому повѣрьте.
Кто шлетъ сосѣдямъ злыя смерти,
Тотъ самъ до срока изнемогъ.

На начинающаго Богъ!
Его твердыни станутъ пылью,
И обречетъ Господь безсилью
Его, зачинщика тревогъ.

На начинающаго Богъ!
Его кулакъ въ бронѣ желѣзной,
Но разобьется онъ надъ бездной
О нашъ незыблемый чертогъ.

РОССІЯ — ЛЮБОВЬ.

Небо наше такъ широко,
Небо наше такъ высоко,—
О Россія, о любовь!
Побѣждая, не ликуешь,
Умирая, не тоскуешь.
О Россія, о любовь,
Божью волю славословь!

Позабудь, что мы страдали.
Умираютъ всѣ печали.
Ты печалей не кляни.
Не дождешься повтореній
Для минувшихъ обольщеній.
Ты печалей не кляни,
Полюби всѣ Божьи дни.

МАРШЪ.

Барабаны, не бейте слишкомъ громко,—
Громки будутъ отважныя дѣла.
О нихъ отдаленные вспомнятъ потомки
Въ тѣ дни, когда жизнь засіяетъ свѣтла.

Вспомнятъ угрозы новаго Атиллы
И дикую злобу прусскихъ юнкеровъ,
Вспомнятъ, какъ Россія дружно отразила
Движущійся лѣсъ стальныхъ штыковъ.

Вспомнятъ, какъ послѣ славной побѣды
Нація стала союзомъ племенъ
И бодро позабыла минувшія бѣды,
Какъ приснившійся ночью тяжелый сонъ.

ЕДИНЕНІЕ ПЛЕМЕНЪ.

Передъ подвигомъ великимъ
Единеньемъ многоликимъ
Подъ святыя знамена
Призывай, страна родная,
Всѣ, отъ края и до края,
Безъ различій племена.

Загремятъ на славу бои,
И возникнутъ вновь герои,
И судьба дракона—пасть.
Доблесть—смѣлымъ оборона.
Поражайте же дракона
Прямо въ пламенную пасть.

Крѣпки мужествомъ великимъ,
Въ злой борьбѣ съ дракономъ дикимъ,
Въ яромъ воѣ смертныхъ сѣчъ,
Отражайте, поражайте,
Побѣждайте,—увѣнчайте
Новой славой русскій мечъ.

СВѢТЛЫЙ ПИРЪ.

Пора скликать народы
На свѣтлый пиръ любви!
Орловъ военной непогоды
Зови,

Въ торжествѣ святого своеволья
Развернуть пылающія крылья
Надъ зеркальностью застойныхъ водъ,
Унестись изъ мутной мглы безсилья
Въ озаренныя раздолья,
Гдѣ уже багрянъ восходъ.

НЕВѢСТѢ ВОИНЪ.

Не десять солнцъ восходитъ здѣсь надъ нами,
А лишь одно,
И лишь одну прожить подъ небесами
Намъ жизнь дано.

Но если врагъ наполнилъ содроганьемъ
Мой край родной,
Не надо жизни съ милымъ расцвѣтаньемъ
Мнѣ и одной.

И какъ ни плачь, свой взоръ въ часы разлуки
Къ землѣ клоня,
Но не удержатъ ласковыя руки
Твои меня.

Когда къ тебѣ вернусь, меня героемъ
Ты не зови:
Исполнилъ я, стремясь къ жестокимъ боямъ,
Завѣтъ любви.

А если я паду за синей далью
Въ чужомъ краю,
Ты говори, горда своей печалью:
Сраженъ въ бою.

ЗАПАСНОМУ ЖЕНА.

Милый другъ мой, соколъ ясный,
Ѣдешь ты на бой опасный, —
Помни, помни о женѣ.
Будь любви моей достоинъ.
Какъ отважный, смѣлый воинъ,
Бейся крѣпко на войнѣ.
Если жъ только изъ-подъ пушекъ
Станешь ты гонять лягушекъ,
Такъ такой не нуженъ мнѣ!

Что ужъ намъ Господь ни судитъ,
Мнѣ и то утѣхой будетъ,
Что жила за молодцомъ.
Въ плѣнъ врагамъ не отдавайся,
Умирай, иль возвращайся
Съ гордо-поднятымъ лицомъ,
Чтобъ не стыдно было дѣтямъ
Въ часъ, когда тебя мы встрѣтимъ,
Называть тебя отцомъ.

Знаю, будетъ много горя.
Бабьихъ слезъ прольется море.
Но о насъ ты не жалѣй.
Бабы русскія не слабы, —
Безъ мужей подымутъ бабы
Кое-какъ своихъ дѣтей.
Обойдемся по-немногу, —
Люди добрые помогутъ,
Много добрыхъ есть людей.

ОБСТРѢЛЯНЪ.

Душа была тревогами томима
До перваго рѣшительнаго дня,
До первой пули, пролетѣвшей мимо,
Пронзившей воздухъ гдѣ-то близъ меня.

Какъ будто въ сердце мнѣ она вонзилась,
Лишь для меня свершая свой полетъ,
И странно все во мнѣ перемѣнилось,
И знаю я, что я уже не тотъ.

И строй природы дивно перестроенъ,
И сталъ инымъ весь образъ бытія,
И гдѣ же мирный я? Я — только воинъ.
Всегда передо мною смерть моя.

Ползетъ ко мнѣ за каждою горою,
И стережетъ меня за каждымъ пнемъ,
И каждый разъ я утренней зарею
Встрѣчаюся какъ бы съ послѣднимъ днемъ.

Все то, что было прежде непонятно,
Здѣсь понялъ я, склонившійся къ ружью,
И потому, сраженный многократно,
Теперь врага безтрепетно убью.

И никогда тоскующая совѣсть
Не будетъ мнѣ когтями сердце рвать,
Хотя бы дѣлъ моихъ отважныхъ повѣсть
Мнѣ правнукамъ пришлося разсказать.

НА ПОДВИГЪ.

Какой я былъ безсильный!
Никому я не могъ помочь.
На меня тоской могильной
Вѣяла лютая ночь.

Я вышелъ въ ратное поле,
Сражаюсь за святую Русь.
Вся жизнь моя въ Божьей волѣ,
И я ничего не страшусь.

Въ ратномъ полѣ не боится
Тѣло мое трудныхъ дней,
И у сердца не гнѣздится,
Не томитъ его тихій змѣй.

Что мнѣ Господь не судитъ,
Умру-ли, домой-ли вернусь,
Сердце мое биться будетъ
Любовью къ тебѣ, моя Русь.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВТОРОЙ.

Онъ долго угрожалъ, безумно смѣлъ,
Бренча мечомъ, онъ вызвалъ бурю мщенья.
Вокругъ своей страны сковать сумѣлъ
Вильгельмъ кольцо холоднаго презрѣнья.

На землю падаетъ кровавый дождь,
И многихъ рѣкъ отъ крови темны воды.
Жестокость и разбой! Безумный вождь!
На что же онъ ведетъ свои народы?

Въ неправедно имъ начатой войнѣ
Ему мечтается какая слава?
Что обѣщаетъ онъ своей странѣ?
Какая цѣль? Парижъ или Варшава?

Для прусскихъ юнкеровъ земля славянъ,
И для германскихъ фабрикантовъ рынки?
Нѣтъ, близокъ часъ,—и онъ, отъ крови пьянъ,
Своей имперіи свершитъ поминки.

ДУХЪ БЕРЛИНА.

Ты ли, пасмурный Берлинъ,
Хочешь, злобствуя неутомимо,
Притязать на блескъ Аѳинъ
И на славу царственнаго Рима?

О, мѣщанская страна!
Все, что совершается тобою, —
Трудъ, наука, миръ, война,
Ужъ давно осуждено судьбою.

Принужденность долгихъ дней,
Плѣнъ души и скучные обряды,
Равнодушный блескъ огней
На задвижкахъ и замкахъ ограды, —

Божій гнѣвъ отяготѣлъ
На твоихъ неправедныхъ границахъ.
Сила — только сила тѣлъ.
Правда — лишь въ украшенныхъ гробницахъ.

То, что было блескъ ума,
Облеклося тусклою рутиной,
И Германія сама
Стала колоссальною машиной.

ФРИДРИХШТРАССЕ.

Здѣсь не надо мечтать, ни къ чему размышлять
О тихомъ часѣ.
Ни одна изъ богинь не сойдетъ погулять
На Фридрихштрассе.

И на что бы могла простереть свою власть
Мечта въ Берлинѣ?
Нѣтъ, я даже готовъ и природу проклясть,
Идя in's Grüne.

ПОБѢЖДАЙТЕ.

Побѣждайте Сатану!
Сатана безумства хочетъ,
И порочитъ онъ войну,
И безсиліе пророчитъ.

Правда, радость и любовь
Не погибнутъ въ лютомъ боѣ.
Мы даемъ войнѣ иное,
Проливая нашу кровь.

Что Господь намъ заповѣдалъ?
Въ адъ сходилъ и самъ Господь,
И землѣ и казни предалъ
Онъ божественную плоть.

Кровь, и подвигъ, и страданье,
И дерзанье до конца,
И терноваго вѣнца
. . . . лобзанье.

БЕЛЬГІЕЦЪ.

Я—мирный гражданинъ страны родной,
Торгую въ Конго я слоновой костью,
Но дерзостно нарушенъ мой покой
Тевтонскою воинственною злостью.

Кирпичный домъ, построенный отцомъ,
Угрозами мрачатъ аэропланы,
А на дорогахъ пыль стоитъ столбомъ,
И нагло мчатся прусскіе уланы.

Заклятье смерти снова разлито
На веси и поля родного края,
Но въ чемъ же виноватъ я? сдѣлалъ что?
И въ чемъ повинна сторона родная?

Я не хочу войны, но воевать
Съ презрителемъ границъ я крѣпко буду,
Хотя бъ его тьмочисленная рать
Несла смятеніе и смерть повсюду.

Безтрепетно я встрѣчу дни тревогъ,
Воинственныхъ отцовъ я вспомню пѣсни.
Благослови мой трудъ, великій Богъ!
Ты, доблесть прадѣдовъ моихъ, воскресни!

УТѢШЕНІЕ БЕЛЬГІИ.

Есть въ наивныхъ предвѣщаньяхъ правда мудрая
порой.
То, чему повѣритъ сердце, совершитъ народъ—
герой.

Вотъ Сивилла развернула книгу темную судебъ,
И прочла одну страницу въ книгѣ той гадалка
Тэбъ.

Прежде, чѣмъ весна откроетъ ложе влажное до-
линъ,
Будетъ нашими войсками взятъ заносчивый Бер-
линъ,

И, награбленной добычей поживиться не успѣвъ,
Злой народъ, который грабитъ, испытаетъ Бо-
жій гнѣвъ.

О, герой, народъ Бельгійскій! испытаній часъ на-
сталъ.
Вся земля взята врагами, и Антверпенъ крѣпкій
палъ,

И спѣшатъ къ союзнымъ ратямъ утомленные
полки.
Кто измѣритъ, сколько въ душахъ славныхъ ры-
царей тоски!

А въ Берлинѣ ликованье, пѣсни, смѣхъ, колокола,
И толпа опять побѣдой и пьяна, и весела.

Но я знаю, не трепещетъ духъ Альберта короля.
Онъ свободными увидитъ скоро милыя поля.

Ужъ плететъ ему побѣда вѣчный лавровый вѣнецъ.
Онъ торжественно вернется въ свой разграбленный дворецъ.

На поляхъ, омытыхъ кровью, розы мира расцвѣтутъ,
И къ его державѣ свѣтлой Кельнъ и Ахенъ отойдутъ.

Только правда — путь къ побѣдѣ, только вѣрность—вѣрный щитъ.
Такъ наивность предвѣщаній, такъ и мудрость говоритъ.

СТАНСЫ ПОЛЬШѢ.

Ты никогда не умирала,—
Всегда плѣнительно жива,
Ты и въ неволѣ сохраняла
Твои . . . . . . права.

Тебя напрасно хоронили,—
Себя сама ты сберегла,
Противоставивъ грозной силѣ
Надежды, пѣсни и дѣла.

Твоихъ поэтовъ, мать родная,
Всегда умѣла ты беречь,
Восторгомъ сердца отвѣчая
На ихъ пророческую рѣчь.

Не заслужили укоризны
Твои сыны передъ тобой,—
Ихъ каждый трудъ былъ для отчизны,
Надъ Вислой, какъ и надъ Невой.

И нынѣ, въ годъ великой битвы,
Не шлю проклятія войнѣ.
Съ твоими и мои молитвы
Соединить отрадно мнѣ.

Не дли ея страданій дольше,—
Молю небеснаго Отца,—
Перемѣни великой Польшѣ
На лавры тернія вѣнца.

БРАТЬЯМЪ.

На милый край, гдѣ жизнь цвѣла,
До Вислы на равнины наши,
Тевтоновъ ярость разлила
Огонь и смерть изъ полной чаши.

Какъ въ день Послѣдняго Суда,
Сверкалъ огонь, гремѣли громы,
Пылали наши города,
И разрушались наши домы.

Когда ожесточенный бой
Къ инымъ предѣламъ устремлялся,
На нашихъ улицахъ разбой
Тевтонской рати начинался.

Презрѣвши страхъ дѣтей и дѣвъ,
На слезы отвѣчая смѣхомъ,
Въ безстыдство перешедшій гнѣвъ
Къ безумнымъ тяготѣлъ потѣхамъ.

И кровь струилася, и вновь
Вставалъ угарный дымъ пожара,
И пепломъ покрывала кровь
Родныхъ и милыхъ злая кара.

Изъ милыхъ мѣстъ насъ гонитъ страхъ,
Но говоримъ мы нашимъ дѣтямъ:
— Не бойтесь: въ русскихъ городахъ
Мы всѣ друзей и братьевъ встрѣтимъ.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Олегъ повѣсилъ щитъ на мѣдныя ворота
Столицы цезарей ромейскихъ, и съ тѣхъ поръ
Олегова щита намъ свѣтитъ позолота,
И манитъ насъ къ себѣ на дремлющій Босфоръ.

Вѣка бѣгутъ на насъ грозящими волнами,
Чтобы отбросить насъ на сѣверъ нашъ нѣмой
И скрыть отъ нашихъ глазъ сѣдыми облаками
Олеговъ свѣтлый щитъ, блистающій звѣздой.

Но не сдержать въ горахъ движенья снѣжной лавы,
Когда, подтаявъ, вдругъ она летитъ на долъ, —
И Русь влечетъ на щитъ не звонкій голосъ славы,
Но можно-медленной судьбины произволъ.

ИМЕНИ ТВОЕМУ.

Еще сражаться надо много,
И многимъ храбрымъ умирать,
Но все-жъ у нашего порога
Чужая разобьется рать.

Въ побѣду мы смиренно вѣримъ
Не потому, что мы сильнѣй.
Мы нашей вѣрою измѣримъ
Святую правду нашихъ дней.

Когда надъ золотою рожью
Багряныя текли ручьи,
Не опозорили мы ложью
Дѣла высокія свои.

Да, не одною сталью бранной
Народъ нашъ защититься могъ:
Онъ—молотъ, Господомъ избранный!
Не въ силѣ, только въ правдѣ Богъ.

Разрушитъ молотъ козни злыя,
Но слава Господу, не намъ, —
Онъ далъ могущество Россіи,
Онъ дастъ свободу племенамъ.

БОЙ-СКОУТУ.

Двухъ отважныхъ разстрѣляли
Безпощадные враги.
Голоса ихъ замолчали,
Отзвучали ихъ шаги.

И на міръ уже не взглянетъ
Смѣлый взоръ, но память ихъ
Сохранять историкъ станетъ
И поэта вѣрный стихъ.

Такъ, не бойся вражьей мести,
Милой жизни не жалѣй
Для побѣды и для чести
Славной родины твоей.

Чтобы ты, не зная страха,
Свѣтлой жизни не берегъ,
Вотъ зачѣмъ тебя изъ праха
Въ наши дни возставилъ Богъ,

И послалъ на поле брани,
Чтобъ и нашъ увидѣлъ вѣкъ,
До какой высокой грани
Можетъ прянуть человѣкъ.

НОЧНАЯ ВСТРѢЧА.

Поднимаются туманы
Надъ болотомъ и рѣкой,
И деревья великаны
Зачарованы тоской.

Я одинъ иду дорогой.
Притворяться надо мнѣ:
Я—мальчишка босоногій,
Въ здѣшней выросъ я странѣ.

Тамъ, гдѣ вражья рать засѣла,
Обойду я городъ весь.
Повторять я буду смѣло:
Старый дѣдъ остался здѣсь.

Лунный свѣтъ струится ложный.
Все, что встрѣчу, словно бредъ.
Вижу я въ пыли дорожной
Чей-то странный, зыбкій слѣдъ.

Пронизалъ мнѣ холодъ кости,—
Мертвый воинъ подъ кустомъ.
Не на дѣдовскомъ погостѣ
Онъ нашелъ свой вѣчный домъ.

Страшно мнѣ, что я случайно
Наступилъ на мертвый слѣдъ.
Сердце мнѣ пророчитъ тайно
Завтра много золъ и бѣдъ.

Но удастся ли мнѣ, нѣтъ-ли,
Я назадъ не побѣгу.
Не боюсь я вражьей петли,
Кончу дѣло, какъ смогу.

НОЧНОЙ ПРИКАЗЪ.

Шагъ за шагомъ, осторожно
Я въ поляхъ чужихъ иду,—
Все тревожно, все возможно,
Все въ туманѣ и въ бреду.

Росы холодны и бѣлы,
Дремны росные кусты.
Всѣ забылися предѣлы
Пустоты и суеты.

Нѣтъ въ душѣ иной заботы,
Какъ, найдя укрытый лазъ,
Принести въ другія роты
Мнѣ довѣренный приказъ.

ЧАСОВОЙ.

Я одинъ на перекресткѣ.
Ночь безмолвна и грустна.
Подо мною камни жестки,
Надо мной луна блѣдна.

Тамъ, за лѣсомъ, врагъ таится.
Зарядилъ и я ружье.
Близкой смерти не боится
Сердце смѣлое мое.

Рѣзко крикнулъ воронъ черный,
Предвѣщающій бѣду.
Я, спокойный и покорный,
Чутко слушаю и жду.

Слышу легкій, дальній шорохъ.
Врагъ таится, знаю я.
Вотъ въ кустахъ онъ. Вспыхни, порохъ
Въ дулѣ мѣткаго ружья.

ВРАЖІЙ СТРАЖЪ.

Онъ стережетъ враждебный станъ.
Безстрашный воинъ онъ, и вѣрный.
Въ поляхъ колышется туманъ.
Часы скользятъ чредою мѣрной.
Развѣдать путь приказъ мнѣ данъ.
Крадусь во мглѣ болотной и пещерной,
Гдѣ запахъ злой, тяжелый, сѣрный.
Ползу, какъ змѣй угарныхъ странъ.

Вотъ близокъ онъ. Стоитъ. Заслышалъ шорохъ.
Я весь прилегъ къ землѣ, въ траву я вникъ.
Я вижу блескъ луны на вражьихъ взорахъ,
Усы колючіе и сѣрый воротникъ.
Вотъ успокоился. Идетъ. Сейчасъ онъ ляжетъ.
Но что предъ смертью онъ мнѣ скажетъ?

ОСЕННЯЯ МОГИЛА.

Осень холодъ привела.
Листья на землю опали,
Мгла въ долинахъ залегла,
И въ лѣсу нагія дали.

Долго бились, и ушли.
Тамъ, гдѣ брошена лопата,
Подъ бугромъ сырой земли
Трупъ бельгійскаго солдата.

Безвременникъ луговой,
Распускаетъ цвѣтъ лиловый
Стебель ломкій и нагой
Надъ могилою суровой.

Гдѣ-то плачетъ, плачетъ мать,
И жена въ тоскѣ унылой.
Но придутъ онѣ сломать
Цвѣтъ, возникшій надъ могилой.

ЛИХОРАДКА ОКОПОВЪ.

Томителенъ жаръ лихорадки.
Въ окопахъ по-горло вода.
Подъ пологомъ сѣрой палатки
Приляжешь,—иная бѣда.

Предстанетъ вечерняя нежить,
И станетъ обманчиво жить,
То сладкою нѣгою нѣжить,
То горькой истомой томить.

Нѣтъ, лучше скорѣе въ штыки-бы,
Прогнать бы подальше враговъ,
Проникнуть туда-бъ, за изгибы
Врага укрывающихъ рвовъ.

ДОЖДЬ И СОНЪ.

Мы могучи и упрямы,
Врагъ упоренъ и могучъ.
Какъ и онъ, копаемъ ямы
Подъ дождемъ изъ сѣрыхъ тучъ.

Такъ томительно сидѣнье
Здѣсь въ окопахъ подъ горой!
Другъ мой сладкій, сновидѣнье,
Посѣти меня порой,

Унеси отъ злобы бранной,
Отъ полей, гдѣ льется кровь,
Въ край весны благоуханной,
Гдѣ увѣнчана любовь!

БРЕДЪ ВЪ ОКОПАХЪ.

Огоньки за огоньками
Золотыми мотыльками
Задрожали въ мутной мглѣ.
Точно съ неба угольками
Кто-то сѣетъ...
Ты ошибся. Гдѣ ты видишь
Огоньки и угольки?
Это врагъ твой чары дѣетъ,
Врагъ твой ходитъ по землѣ
Въ несказанномъ, смутномъ видѣ,
Шорохъ ногъ его ты слышишь
На безсильныхъ травахъ,
Шумъ протянутой руки.
Дольный воздухъ весь въ отравахъ,—
Ты отравой вражьей дышишь.

ВЪ ОГНѢ.

Лежу я въ холодномъ окопѣ.
Въ какую-то цѣль
Врагъ дальній торопитъ
Шрапнель.

Сражаюсь упорно и смѣло,
Врага не боюсь,—
За правое дѣло,
За Русь!

Внезапнымъ пыланіемъ свѣта
Пронизана твердь.
Я знаю, что это—
Ты, смерть.

Подобно грозящей кометѣ,
Ты мчишься ко мнѣ
Въ немеркнущемъ свѣтѣ,
Въ огнѣ.

Мой подвигъ окончивши яркій,
Приму наконецъ
Сверкающій, жаркій
Вѣнецъ.

ПЫЛАЮЩІЙ КОНЬ.

Тамъ за рѣкою
Грозный огонь.
Близко съ грозой боевою
Мчится пылающій конь.

Въ красной лампадѣ
Красный огонь.
Что-же молить о пощадѣ!
Близокъ пылающій конь.

Грозные громы,
Грозный огонь.
Вотъ, разрушающій домы,
Мчится пылающій конь.

Блещетъ и льется
Красный огонь.
Сердце томительно бьется,—
Близокъ пылающій конь.

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ ПОБѢДОНОСЕЦЪ.

Святой Георгій
Побѣдоносецъ

Идоламъ не поклонился,
Славу Господу воздалъ.
Злой правитель разъярился,
Палача съ мечомъ призвалъ.
Мечъ тяжелый раздробился,
И Георгій свѣтелъ всталъ.

Мечомъ тяжелымъ
Сраженный трижды,
Воскресъ трикраты
Святой Георгій
Побѣдоносецъ!

Слезы льетъ народъ въ восторгѣ,
Но тиранъ не вразумленъ,
И въ четвертый разъ Георгій
Умираетъ, пораженъ.

Онъ Богомъ призванъ
Для вѣчной жизни,
Для вѣчной славы,
Святой Георгій
Побѣдоносецъ!

И, нетлѣніемъ вѣнчанный,
На горѣ небесъ стоитъ,
И на каждый подвигъ бранный,
Ясно радуясь, глядитъ.
День побѣды, день желанный
Славнымъ ратямъ онъ сулитъ,

Святой Георгій
Побѣдоносецъ!

ВОСТОРГИ СЛЕЗЪ.

Вошла, вздыхая, въ свѣтлый храмъ,
Устало стала на колѣни.
Звучали царскія ступени,
Синѣлъ отрадный фиміамъ.

Горѣли предъ Распятьемъ свѣчи,
И благостно глядѣлъ Христосъ.
Не обѣщалъ онъ съ милымъ встрѣчи,
Но утѣшалъ восторгомъ слезъ.

И Онъ терпѣлъ за раной рану,
И былъ безумными убитъ.
Я биться головой не стану
О тихій холодъ темныхъ плитъ.

Стояла долго, и молилась,
Склонившись у пронженныхъ ногъ.
Тоска въ покорность претворилась.
Да будетъ такъ, какъ хочетъ Богъ.

ВЪ ЛАЗАРЕТѢ.

Вынесъ я дикую тряску
Трудныхъ дорогъ.
Сдѣлали мнѣ перевязку.
Я изнемогъ.

Стѣны вокругъ меня стали,
Съ тьмою слиты.
Очи твои засіяли, —
Здѣсь, милосердная, ты.

Въ тихомъ забвеніи жизни,
Зла и страстей,
Радъ я вернуться къ отчизнѣ
Вѣчной моей.

Но отъ меня заслоняя
Муку и зной,
Тихой улыбкой сіяя,
Ты предо мной.

Тихо шепнула три слова:
„Ты не умрешь“.
Сердце повѣрить готово
Въ нѣжную ложь.

ГЕНРІЕТА.

Генріета, Генріета!
Я зову.
Спряталась-ли гдѣ-то
Ты въ траву?
Стариковъ не видно,
Садъ ихъ нѣмъ,
Домъ,—глядѣть обидно!—
Кѣмъ разрушенъ, кѣмъ?

Генріета, Генріета,
Гдѣ-же ты?
Помнишь это лѣто,
Какъ съ тобою мы гуляли
Въ чистомъ полѣ, и сбирали
Тамъ цвѣты?

Гдѣ дорога
Вдаль вела,
У порога
Ты меня ждала,
Такъ свѣтла и весела.

Генріета, Генріета,
Ты была легко одѣта,
Въ бѣлый шелкъ одѣта.
Жемчугъ былъ на шеѣ,
Но твоя краса
Жемчуга милѣе.

Ты безпечно улыбалась,
Звонко, звонко ты смѣялась,
И по вѣтру развивалась
За спиной твоя коса.

Ты любила быть простою,
Какъ весна,
Такъ свѣтла душою,
Такъ ясна.

Мы играли,
Мы шутили,
Мы другъ друга догоняли,
И ловили,
И сбирали
Въ это лѣто
Мы цвѣты.
Генріета, Генріета,
Гдѣ-же ты?

Генріета знала
Всѣ дороги, всѣ пути.
Гдѣ и какъ пройти,
Генріета знала.
Ей пруссакъ сказалъ: „Веди!“
Генріета побѣжала
Впереди,
Путь пруссакамъ указала
Подъ шрапнели,
На штыки,
Но убить успѣли
Генріету пруссаки.

Генріета, Генріета,
Если есть у Бога лѣто,
Если есть у Бога рай,
Ты въ раю играй.

СОДЕРЖАНІЕ.

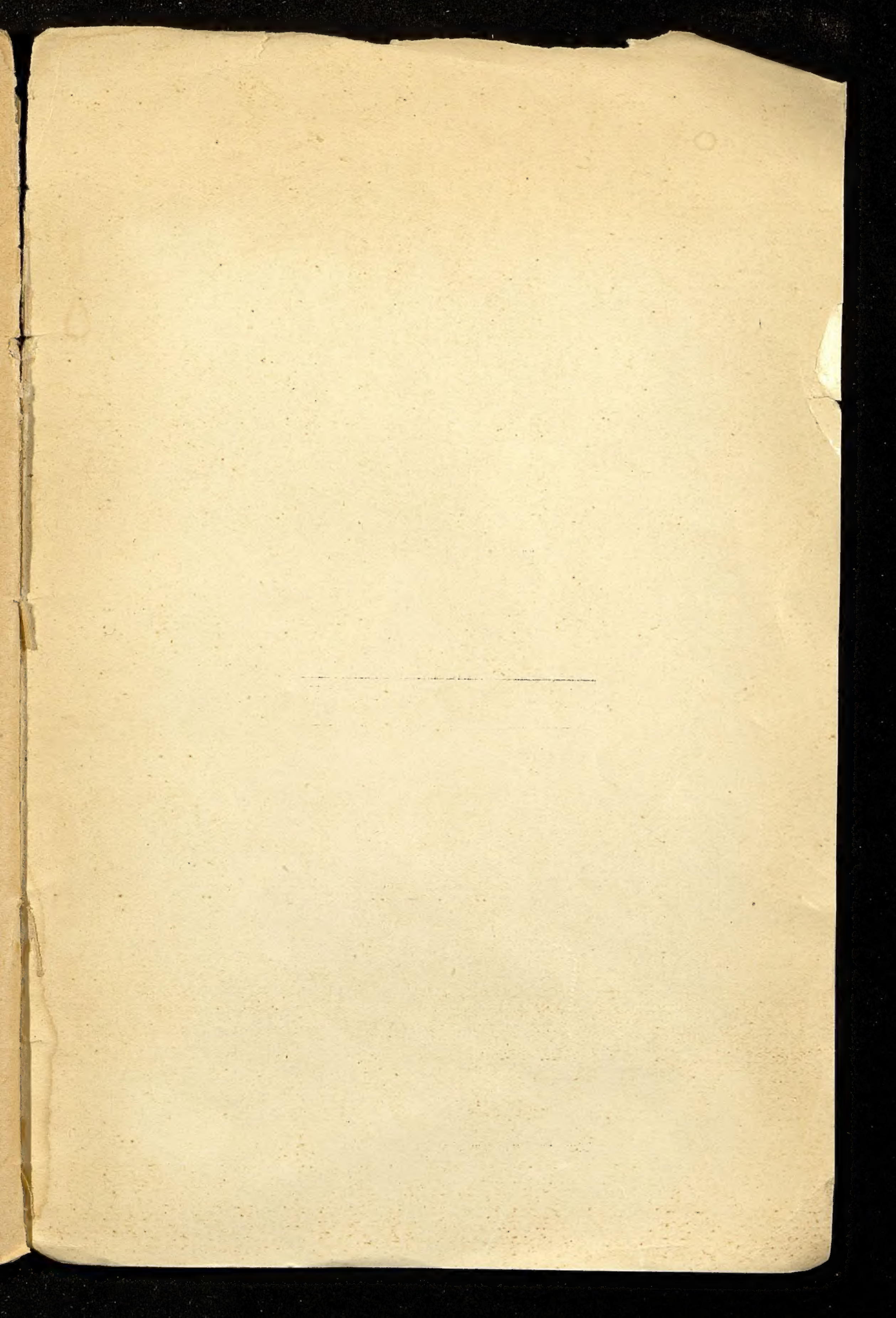
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ѲЕДОРА СОЛОГУБА.

Издательство „СИРИНЪ“.

ПТГР., Пушкинская, 10.

Томъ	1.	**„Лазурныя Горы“**. Стихи. 2-е изд.	1	р.	50 к.
„	2.	**„Тяжелые Сны“**. Романъ. 5-е изд.	1	„	75 „
„	3.	**„Земныя Дѣти“**. Разсказы. 2-е изд.	1	„	25 „
„	4.	**„Недобрая Госпожа“**. Разсказы	1	„	25 „
„	5.	**„Восхожденія“**. Стихи. 2-е изд.	1	„	50 „
„	6.	**„Мелкій Бѣсъ“**. Романъ. 7-е изд.	2	„	— „
„	7.	**„Дни Печали“**. Разсказы	1	„	25 „
„	8.	**„Пять Драмъ“**	1	„	50 „
„	9.	**„Змѣиныя Очи“**. Стихи. 2-е изд.	1	„	50 „
„	10.	**„Заклятіе Стѣнъ“**. Сказочки и статьи	1	„	50 „
„	11.	**„Книга Превращеній“**. Разсказы. 2-е изд.	1	„	50 „
„	12.	**„Книга Устремленій“**. Разсказы. 2-е изд.	1	„	50 „
„	13.	**„Жемчужныя Свѣтила“**. Стихи	1	„	50 „
„	14.	**„Неутолимое“**. Разсказы	1	„	50 „
„	15.	**„Слаще Яда“**. Романъ. Книга первая	1	„	75 „
„	16.	**„Слаще Яда“**. Романъ. Книга вторая	1	„	75 „
„	17.	**„Очарованія Земли“**. Стихи	1	„	50 „
„	18.	**„Творимая Легенда“**. Романъ. Кн. 1	1	„	75 „
„	19.	**„Творимая Легенда“**. Романъ. Кн. 2	2	„	— „
„	20.	**„Творимая Легенда“**. Романъ. Кн. 3	1	„	50 „

34

ЦѢНА 40 КОП.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

